

К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕННОСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ СТОИКОВ С ИХ ЛОГИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ

В.Л. В. КАРАКУЛАКОВ
(Душанбе, СССР)

Впервые у стоиков язык становится самостоятельным предметом исследования и грамматика занимает равноправное место в числе частей философии: она включается наряду с теорией познания, музыкой и поэтикой в раздел логики — диалектику (вторым разделом логики являлась реторика). Язык, λόγος προφορικός, рассматривается стоиками как внешнее выражение мышления, разума (λόγος ἐνδιάθετος), а следовательно, надежным средством познания действительности. У стоиков появляется нечто новое в понимании логико-речевого процесса по сравнению с их предшественниками. Секст Эмпирик свидетельствует, что стоики утверждают, что „три вещи между собой сопряжены: обозначаемое (σημαίνόμενον) [иначе называемое „высказываемым“ (λεχτόν)], обозначающее (σημαῖνον) и объект (πρᾶγμα)”¹. Новым в этом перечне является „обозначаемое” — нечто бестелесное, стоящее между предметом (и представлением), с одной стороны, и обозначающим (т.е. звуковым комплексом, обладающим определенным значением), с другой — вещами телесными: оно представляет собой некое „значение”, мысль, тесно связанную с соответствующим звуковым комплексом, так как „мы его, т.е. обозначаемое, постигаем разумом..., а варвары не воспринимают, хотя и слышат звук”². *Высказываемое* — это нечто „среднее между представлением и вещью”³. Хотя пример, приведенный Секстом Эмпириком (слово *Дион* — обозначающее, сам *Дион* — объект),

¹ *Stoicorum ueterum fragmenta* (coll. I. ab Arnim, vol. I—IV, Lipsiae, 1903—24), II, 166 (Sext. Emp., *Adv. math.* VIII, 11). В перечне Секста опущено представление как элемент логико-речевого процесса, однако хорошо известно, что учение о представлении получило детальную разработку в стоической философии (*SVF*, II, 52; 53; 64 и др.).

² *SVF*, II, 166.

³ *SVF*, II, 168.

как будто бы указывает, что *обозначаемое* относится к отдельному слову ⁴, источники позволяют предполагать, что *высказываемое* соотносилось с предложением: мы узнаем, что стоическая теория знала „недостаточное” *высказываемое* (λεχτὸν ἐλλείπες), выраженное глаголом-предикатом, без упоминания субъекта (напр., *пишет, говорит*) и „законченное” *высказываемое* (λεχτὸν αὐτοτελές), выраженное предложением, состоящим по меньшей мере, из субъекта и предиката (напр., Сократ пишет, Сократ говорит)⁵. Таким образом „части речи” стоиков или, как точнее предпочитал выражаться Хрисипп, „элементы” суждения-предложения (στοιχεῖα τοῦ λόγου)⁶ — это члены предложения, элементы некой сема-тико-синтаксической классификации.

Источники сообщают, что „древнейшие стоики” (в данном случае, Зенон и Клеант) признавали четыре части речи: имя, глагол, союз и член ⁷, т.е. те же, которые приписывались античной традицией Аристотелю (за исключением „члена”) и Теофрасту и встречались у реторов. Пятая часть речи была введена Хрисиппом, который оставил старое наименование „имени” (ὄνομα) лишь за именами собственными, а имена нарицательные выделил в самостоятельную часть речи — „нарицание” (προσηγορία)⁸. „Древнейшие стоики” включали в понятие „члена” не только собственно член, но также местоимения и предлоги⁹, не отличаясь в этом отношении от Аристотеля и Теофраста. Ко времени же Хрисиппа предлоги объединяются с союзами в одну часть речи с союзами¹⁰ и в отличие от собственно союзов именуются προθετικοὶ σύνδεσμοι¹¹; а внутри „члена” различались собственно члены (ἄρθρα ἀριστῶδη) и местоимения (ἄρθρα ὀρισμένα)¹². Глагол (ῥῆμα) мыслился стоиками, в первую очередь, как предикат и определялся ими как „несоставной предикат” (ἄσύνθετον κατηγορήμα)¹³; причастие также мыслится как глагольная форма (*participium connumerantes uerbis*) и именуется „причастным или падежным глаголом” (*participiale uerbum uel casuale*)¹⁴, воспринимается как некая „помесь глагола и имени” (μίγμα ῥήματος καὶ ὀνόματος)¹⁵, но иногда рассматривается то как отглагольное имя, то как падежное наклонение глагола (*uel nomen uerbale uel modus uerbi casualis*)¹⁶ и именуется „возвратным именем” (*appellatio reciproca, ἀντανάκλαστος*

⁴ И это, возможно, отражает современный Сексту взгляд Стои на рассматриваемый вопрос.

⁵ SVF, II, 181.

⁶ SVF, II, 148.

⁷ Dionys. Halic., *De comp. uerb.*, 2; cf. *De Demosth. praest.*, 48.

⁸ Diog. Laert., VII, 57.

⁹ Prisc., *GL* III, 501, 10—12.

¹⁰ Cf. Apollon., *De coniunct.*, 214, 8 Schneid.

¹¹ Apollon., *De constr.*, p. 436, 13—14 Uhl.; p. 458, 1—2 Uhl.; cf. Prisc., *GL* II, 54, 21—22, (*praepositiva coniunctio*).

¹² Apollon., *De pronom.*, 5, 13—14 Schneid.; cf. Prisc., *GL* II, 548, 7 sqq.; 54, 12; cf. *Schol. Dion. Thrac.*, 518, 33; 356, 12 Hilg. (ἄρθρον ὀριστόν).

¹³ SVF, III, p. 213, fr. 22 (Diog. Laert., VII, 58).

¹⁴ Prisc., *GL* II, 54, 9—10; cf. *Schol. Dion. Thrac.*, 520, 16; 356, 10—15 Hilg.

¹⁵ Plutarch., *Quaest. Platon.*, 6, p. 1011; cf. Prisc., *GL* II, 548, 14.

¹⁶ Prisc., *GL* II, 549, 1.

простῆγορία), напр. „читающий это читатель” и „читатель это читающий” („*legens est lector*” et „*lector legens*”) ¹⁷. Шестая часть речи — наречие (μεσότης) — появляется у стоиков позже, а именно у Антипатра ¹⁸, ученика Диогена Вавилонского, несомненно под влиянием александрийской грамматики; первоначально, как показывает самое наименование μεσότης, к этой части речи относились лишь наречия, образованные от качественных прилагательных ¹⁹; в дальнейшем, однако, понятие это, видимо, под влиянием того же александрийского понимания наречия (ἐπίρρημα), расширяется охватывая всевозможные „дополнения” к глаголу, и наряду с μεσότης появляется наименование πανδέκτης ²⁰ (нечто вроде „корзины, куда сваливаются самые различные вещи”).

У Хрисиппа наречия еще не фигурировали как самостоятельные части речи и, видимо, рассматривались в качестве уточнений глаголов. На это указывает сообщение Дионисия Галикарнасского о том, что наречие выделилось из глагола. Поскольку у Аристотеля наречие относилось к именам, объединение наречия с глаголом может относиться только к стоикам. Что касается утверждения Присциана, что стоики относили наречия либо к именам, либо к глаголам, и именовали их *adiectiva uerborum*, то такое заблуждение могло быть вызвано как термином ἐπίθετα ῥημάτων (прилагательные глаголов), так и термином μεσότης (средина) ²¹.

Являясь средством познания действительности, язык должен был отражать предметные категории действительного мира. Таким отражением стоических категорий, „первичных родов” (πρῶτα γένη) ²² в языке оказываются „элементы предложения”. Об этом в дошедших до нас фрагментах стоиков прямо не говорится, однако именно это послужило основанием, например, для разделения у Хрисиппа имени на две самостоятельные части речи — имя (ὄνομα) и нарицание (простῆγορία) — и нашло отражение в определениях этих частей речи: нарицание определяется как часть речи, показывающая общее качество (κοινὴ ποιότης), а имя — единичное качество (ιδίᾳ ποιότης) ²³.

Таких категорий, на которые разделяется у стоиков все телесное, четыре: ὑποκείμενον — субстрат качественно не определенный (ἄποιος ὕλη); ποιόν — субстрат, определенный в своем существенном качестве; он может быть либо индивидуально определенным (ιδίως ποιόν), либо определенным общим образом (κοινῶς ποιόν); πῶς ἔχων — находящееся в определенном состоянии, определенное в своем модусе бытия; πρὸς τί

¹⁷ Prisc., *GL* II, 548, 14—17.

¹⁸ *SVF*, III, Antip., p. 247, fr. 22 (Diog. Laert., VII, 57).

¹⁹ *SVF*, II, 173.

²⁰ Charis, *GL* I, 190, 24—27 (= Barw., 247, 12—15); cf. 194, 19—21 (= Barw., 252, 28—31).

²¹ И. М. Троицкий, *Основы стоической грамматики* (Сборник „Романо-германская филология”, Ленинград, 1957 г.), стр. 309 и прим. 2.

²² *SVF*, II, 369 sqq. В отличие от Аристотеля, стоики устанавливали всего четыре категории, каждая из которых служила для уточнения предшествующей.

²³ *SVF*, III, p. 213, fr. 22. Морфологическая мотивировка такого разделения (различное склонение при одинаковых окончаниях), встречающаяся в схолиях к Дионисию Фракийцу (214, 17 sqq.; 356, 25 sqq.), конечно, поздняя и отражает чисто грам-

πὼς ἔχων — находящееся в определенном состоянии по отношению к другому предмету²⁴.

С легкой руки Р. Шмидта до недавних пор господствовал взгляд, что ὑποκειμενον соответствует „члену“, ποιόν — „имени“ и „нарицанию“, πὼς ἔχων — „глаголу“, πρὸς τί πὼς ἔχων — „союзу“.

Однако, в действительности соотносительность с „элементами предложения“ выступает четко лишь для первых двух категорий: качественно неопределенному субстрату (ὑποκειμενον) соответствуют несомненно „члены“, т.е. местоимения (за исключением личных и притяжательных) и артикли; субстрату индивидуально определенному (ιδίως ποιόν) соответствует „имя (собственное)“, а определенному общим образом (κοινῶς ποιόν) — „нарицание“ (имя нарицательное). Что касается πὼς ἔχων и πρὸς τί πὼς ἔχων, то вопрос об их соотносительности с „элементами предложения“ выглядит сложнее, так как высшим родовым понятием для всех четырех стоических категорий является субстрат (ὑποκειμενον), тогда как катηγόρημα (глагол-сказуемое) и „союз“ в суждении-предложении не включают в себя понятие субстрата. Действительно, предикат является у стоиков, как мы уже видели „недостаточным высказываемым“, т.е. выражает лишь модус бытия без указания субъекта, тогда как категория πὼς ἔχων — качественно определенный модус бытия. Следовательно, этой категории скорее соответствует простое суждение-предложение в целом (ἄτομα или προσηγορία + катηγόρημα), вероятно, с упором на глагол-предикат. Что касается категории πρὸς τί πὼς ἔχων, указывающей на субстрат качественно определенный, находящийся в некоем состоянии по отношению к другому предмету, то в суждении-предложении, скорее всего, ему соответствует либо сочетание катηγόρημα (глагол-предикат) + дополнение, выраженное неким ποιόν (то ли именем, то ли наречием), либо определение, выраженное прилагательным или родительным падежом существительного. „Союзы“ же, служащие лишь для выражения отношений между предметами или предикатами и не выражающие ни субстратов, ни модусов их существования, вряд ли могут быть соотносены с той или иной предметной категорией²⁵.

матический подход. Наличие связи между категориями и „элементами“ суждения-предложения было подмечено уже более ста лет назад Шмидтом (R. Schmidt, *Stoicorum grammatica*, Halle, 1839, стр. 37) и Лершем (L. Lersch, *Die Sprachphilosophie der Alten*, II, Bonn, 1840, стр. 28), но в дальнейшем о ней упоминают лишь отдельные исследователи (напр. H. Steinthal, *Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern*, T. 1, Berlin, 1890, стр. 297). В последнее время к этому вопросу возвращается И. М. Тропский (*Проблемы языка в античной науке*, стр. 26, сб. „Античные теории языка и стиля“, Ленинград, 1936; *Основы стоической грамматики*, стр. 309—310).

²⁴ В стоической философии все сущее и не сущее, телесное и бестелесное объединяется высшим родовым понятием („НЕЧТО“) (SVF, II, 369 sqq.).

²⁵ Ср. определение „союза“ у Диогена Вавилонского (SVF, III, p. 214, fr. 22): „Союз — беспадлежащая часть речи, связывающая части речи“ (συνδεδυγμένα τὰ μέρη τοῦ λόγου).